

12 25 июня 1933
Ташкент, Ср. Азия

Пегая лошадь остановилась

Письмо из Москвы

Ташкент, Правда Востока, 25/1332.

Арестованы двух девочек.
Дело было в Юго-Славии. Девочки
всех выражали ощущение кокомму-
нистической партии. Это угрожал
тройку, конституции, армян...
Одной девочке 13 лет, другой — 8.
Их бросили в тюрьму с расовыми
и бандитскими, ворами и насиль-
никами. Впрочем, скоро их выпустили.

Дело в том, что в Юго-Славии еще
не построили специальную каторжную
тюрьму для коммунистов. И куда
девать этих малых крошек — неиз-
вестно...

Об этом мне рассказали дети из
Юбидея Московского театра юных
зрителей. А они прочли это в своей
газете «Пионерской правде».

У наших советских детей ведь есть
свой газета, как есть свои дома,
дети, катки, вагоны трамвая, либра-
тура, сады, столовые.

И есть свой театр.
ТЮЗ — театр юного зрителя —
только что открывавший пятидесяти

вместим. Пять лет, это, конечно, не
так много. Это — детский возраст.

Однако, за свой короткий век
театр пропустил 1.300.000 ребят. Уже
одно это заслуживает внимания.

Театр всегда переполнен. И если
бы предоставить ему помещение в че-
тыре раза больше, он, вероятно, и тог-
да был бы полон. Детям давно бу-
дущей своей театр как: товарищ и руко-
водитель.

Утренники для детей — это то же,
что спектакли для взрослых по литерату-
ры для взрослых и непосредственные
и детям. Это — литературные спек-
такли. Нет, детям нужна своя детская
литература, свой детский театр.

И вот пять лет назад в Москве на
улице появилась пегая лошадь, ко-
торая везет фургон. На фургоны —
пестрый, ярко расписанный ящик. А
вокруг ящика — несколько закутан-
ных в плащи, с кейсами, наваленными
на глаза, загадочных людей и че-
тов.

Странно блещит плаза из под кеп-

ки, неистово румяным щеки, потрясаю-
ще черны брови, изумительно разно-
образны носы.

Пегая лошадь медленно влечет по
улицам свой фантастический груз...

Это и был первый театр юного зри-
теля.

Театр — фургон. Театр на колесах.

У театра не было ни помещения —
он играл на улицах, площадях, на
бульварах, где придется, на пеше-

ставили одну-две пьесы собствен-
но творчества, ни декораций, ни режис-
сера, ни костюмов, — все, что име-
лось, возлагалось с собой в пестром ящи-
ке, на пегой лошади. Пегая лошадь,
это был единственный реквизит этого
странствующего по столице театра.

Но дети сами создали из этого фур-
гона свой театр.

Зритель дошкольного и школьного
возраста ловил по Москве место оста-
новки фургона и становился в оче-
редь.

— Это очередь на детский театр?
И на тобой!

И «на тобой» — таких в Москве
оказалось 1.300.000. Пегая лошадь
пришлось остановиться и фургон о-
честрым лицом превратился в ТЮЗ.

Нет более отзывчивого зрителя, чем
этот юный зритель. И более внима-
тельного. И более строгого.

В анкете «о хорошем спектакле»,
которую провела одна из школ пер-
вой ступени, дети единогласно опу-
стили условия, допускаемые в опе-
ре, особенно в старом оперном реперту-
ре.

— Она поет так громко, что на бал-
коне слышно, а он делает вид, что не
слышит, хоть и стоит около. Это ведь
неправда.

Дети реалисты и правдолюбивы.

Когда во время хода действия в
ТЮЗ'е герой пьесы отрицает совер-
шенное им убийство, зритель критикует
дружно со своих мест:

— Ты же врешь! Это же ты убил!
Дети создали себе те... Затем они
взялись за репертуар, что при-

способствовало к развитию искусства,
что способствовало тому, чтобы было расставлено на
дешевый эффект, безжалостно брако-
валось зрителем.

Одна пьеса прижилась потому,
что действующее лицо — девочка го-
ворила с матерью языком взрослого.
Зритель засел.

А когда его спросили, как ему по-
равилось, он деликатно, — зачем обя-
зательно даю — автора, — ответил:

— Интересно. Только несправда.

Другие пьесы были встречены ут-
радно — герои изобразили обычных го-
рохов — детей, а дети очень уж оза-
боченно ждали жавалось зрителю.

И зритель ответил:

— Мне этих ребят совсем даже не
жалко.

Это был протест против класно-жа-
ких мифологов.

Детский зритель требовал в своем
театре своего репертуара. Тогда и
возникла детская драматургия. Авто-
ры выполняли социальный заказ сво-
его зрителя.

И сейчас мы уже к своему детскому
драматургии.

Такие пьесы, как «Я — мало, мы —
сила» не входят в репертуар дет-
ских театров Союза.

Саша Балыков, десятилетний сын
московского слесаря, пишет об этом
пьесе рецензию:

«Я сам знаю, что правда, когда я —
мало, а мы все — сила. Но это хоро-
шая пьеса, мне очень интересно объ-
яснил и показал, отчего так выхо-
дит. Мы — все ребята одобряем эту
пьесу. А мы — сила».

Да, вы, дорогие, маленькие товари-
щи, большая сила.

И для вас, ради вас, вашей волею
пегая лошадь с фургоном остано-
вилась и фургон вырос в театр юного
зрителя.

Театру всего 5 лет.

Но ведь есть среди его зрителей
также, которые не старея своего те-
атра.

Э. ГАРД.